

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 288–292

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 288–292

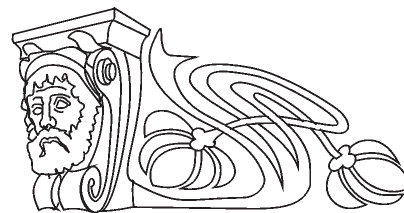
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-288-292>

Научная статья

УДК 316.74

Риски религиозной социализации в условиях постсекулярного общества

В. А. Ручин¹ ✉, А. В. Ручин²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Ручин Владимир Алексеевич, доцент кафедры философии культуры и культурологии, r-vl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2638-3057>

Ручин Алексей Владимирович, социолог Научно-образовательного центра мониторинговых исследований, ralexey@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9975-4624>

Аннотация. Статья представляет собой поиск эффективных шагов минимизации межконфессиональной напряженности. Авторами раскрывается сущность процесса традиционного приобщения к религии в условиях современной информационной среды. Цифровые технологии, с одной стороны, расширяют горизонты возможного, а с другой стороны, личность отрывается от природной коммуникации, в результате чего нарушается внутренняя система духовных ориентиров. И тогда чувственный мир человека легко переключается на другой тип общения в силу его природной потребности в сочувствии и заботе – виртуальное общение. Современная ситуация, связанная с цифровыми технологиями, усугубляется последствиями культурного сбоя начала прошлого века и гиперактивностью агрессивного либерального миссионерства. Российское общество вынуждают не только учитывать, но и противостоять сектантским атакам на образы национальных культур. Система ценностей российской культуры традиционно представляет пространство борьбы добра и зла во имя достижения духовного идеала. Труднодостижимый идеал в условиях транзитивного постсекулярного общества вызывает значительные риски гармонизации культурно-религиозных традиций. Вот почему основное внимание авторов статьи сфокусировано на стабилизации социального бытия посредством разработки принципов оптимальной модели религиозной социализации.

Ключевые слова: постсекулярное общество, культура, религия, образование, социализация, стратегия, институт, риск, принцип, модель

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Религиозная социализация в постсекулярном мире: дискурсивные практики и социокультурные риски» № 20-311-70023).

Для цитирования: Ручин В. А., Ручин А. В. Риски религиозной социализации в условиях постсекулярного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 288–292. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-288-292>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Risks of religious socialization in a post-secular society

V. A. Ruchin¹ ✉, A. V. Ruchin²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Vladimir A. Ruchin, r-vl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2638-3057>

Alexey V. Ruchin, ralexey@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9975-4624>

Abstract. The article presents the search for effective steps to minimize interfaith tension. The authors reveal the essence of traditional introduction to religion in the modern information environment. Digital technologies, on the one hand, expand the horizons of the possible, but on the other hand, the personality breaks away from natural communication, and as a result, the internal system of spiritual landmarks is disturbed. And then the human sensible world easily switches to another type of communication due to his or her natural need for sympathy and care – to virtual communication. The current situation related to the digital technologies is exacerbated by the consequences of the cultural disruption of the past century and by the hyperactivity of aggressive liberal missionary work. Russian society is forced not only to take into account, but also to resist sectarian attacks on the images of national cultures. The system of values of Russian culture traditionally

represents the space for the struggle between good and evil in the name of achieving the spiritual ideal. An elusive ideal in a transitive post-secular society poses significant risks of harmonization of cultural and religious traditions. That is why the main focus of the article is on the stabilization of social life through the development of the principles of the optimal model of religious socialization.

Keywords: post-secular society, culture, religion, education, socialization, strategy, institution, risk, principle, model

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (the project "Religious socialization in the post-secular world: discursive practices and sociocultural risks" No. 20-311-70023).

For citation: Ruchin V. A., Ruchin A. V. Risks of religious socialization in a post-secular society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 288–292 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-288-292>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На фоне возрастающей социальной неопределенности религия как культурный феномен становится одним из ведущих факторов духовной жизни общества. Она тесно функционирует во взаимосвязи с другими самодостаточными культурными формами, такими как образование, наука, искусство. Со всей очевидностью можно утверждать наличие религиозного контекста и в деятельности социальных институтов, и в ментальном противостоянии цивилизационных сегментов глобального социума. В то же время религиозность небывало широкого спектра превращается в мощную силу, трансформирующую мировоззренческие установки, порой в искусственные политические движения, мнимые государственные образования. Квази- и прокси-социальные явления – результат намеренных фантазий псевдоклерикальных сценаристов, стремящихся влиять на повседневность, сферу формирования человека, его социокультурную среду. Новообразования на теле глобального социума, как правило, есть результат заимствований у традиционных религий, вольная интерпретация ее функций и догматов.

Принцип рационализма в общественном сознании заметно корректируется, особое беспокойство вызывают стратегии, активизирующие деструктивную религиозную социализацию. Это актуально для России, которая в условиях постсоветского пространства вернулась в религиозную реальность [1], а потому остро чувствует потребность в новой программе развития, которая в транзитивный период предусматривала бы риски межконфессиональных и этнорелигиозных отношений.

Сказанное свидетельствует о том, что для нашей страны культурной сбой начала XX в. сегодня, в постсекулярную эпоху, может вызвать болезненные симптомы, а потому анамнез возникающих мировоззренческих расстройств в ходе насаждения хаоса мультикультурализма настоятельно диктует систематическое проведение экспресс-анализов социальных смыслов посредством «конвергенции трех наук: философии, теологии религиоведения» [1, с. 6]. В этой связи

динамика развития отечественной национальной культуры ориентируется на поддержание архетипического фундамента и современное преобразование общественной архитектуры. Экзистенциальная угроза культурному коду заставляет учитывать и технологический фактор современной эпохи – цифровизацию – имплантацию технологий компьютерной среды в ткань социальной жизни, в повседневные практики образования и социализации личности. Антропологический подход к понятиям «социализация» и «образование» подтверждает их смысловую близость – оба понятия в конечном итоге раскрывают сущность человека. Принято считать, что процесс образования есть обучение в интересах профессиональной подготовки, а социализация – приобретение необходимого социального опыта. Однако в центре этих процессов находится Человек, а субъективная сторона процессов тождественна и объединена действующим в рамках социального заказа единым механизмом социальной адаптации. Именно быстро меняющийся социум формирует этот заказ, определяя специфику образования и социализации.

Тождественность раскрывается в идеальном мире человека, а сложившееся многообразие дефиниций гуманитарных наук объясняется различными предметами научных дисциплин. Социальное становление личности с позиций интеллектуальной и эмоциональной сфер определяется установками новых форм жизни и господствующими мемориальными практиками. Мемориальные практики представляют собой различные трактовки прошлого, детерминированного включением в реальную жизнь социокультурного содержания [2, с. 11]. Человек, находящийся в пространстве общественных представлений, в том числе религиозных, формируется как личность, ориентируясь в социальном пространстве посредством задаваемого обществом вектора развития.

Внутреннее бытие человека – это бесконечность переживаний, размышлений, находящихся в дискретном движении по принципу квантовой философии [3]. В сознании человека идет не-

прерывная рациональная и иррациональная процедура по отбору ценностей внешнего мира. Работа квантовой системы сознания не всегда определена по результату и потому сопровождается известной степенью риска [4, с. 165–170]. Человеку, воспринимающему кванты жизненных явлений, постоянно нужны волевые усилия для их анализа и последующего обновления личности. Свободный выбор человеком ценностей всегда происходит в рискогенных условиях, связанных с модулированием социальной динамики традиционными и нетрадиционными импульсами образовательного пространства.

Аксиологический подход в представленной ситуации оправдан, так как позволяет осмыслить свободу человека как ценность. Русская религиозная философия наиболее перспективна при понимании личности как неповторимой, уникальной субъективности, нацеленной на свободное творчество по созиданию нового мира. В этом созидании прослеживается религиозность, реализующая дух, ум и свободу «воплощения своих идей». По Н. А. Бердяеву, свобода нередуцируема к необходимости, неприкосновенна перед лицом экспансии детерминизма, а потому при решении мировоззренческих проблем ставит человека в центр, отстаивая его свободу и творчество [цит. по: 5, с. 31–32].

Современная информационная среда и цифровые технологии, расширяя горизонты свободы, отрывают личность от традиционного общения, и иммунная система духовных ориентиров порой не срабатывает, переключая личный чувственный опыт на нетрадиционное общение виртуальных собеседников. Свойственная человеку неудовлетворенность, неизменно порождая потребность в сочувствии и заботе, подталкивает его к любому межличностному контакту. Личность, подверженная, по М. Хайдеггеру, зову Бытия, постоянно стремится к внутренней гармонии, но в условиях неопределенности попадает в зону риска. На смену устойчивым связям, построенным традиционно в благоприятной коммуникативной общинной среде, благодаря процессу цифровизации приходят виртуальные коммуникации, а вместе с ними конфигурации нетрадиционной социализации.

Огромную роль в коммуникативной среде играют неизменные с момента внедрения в наше сознание воспоминания, которые составляют основу механизма памяти [6, с. 19], построенного на идеях личного и коллективного прошлого. Живое восприятие мира в соприкосновении с воспоминаниями, формирует жизненные стратегии. Важно подчеркнуть, что устойчивость

субъективному переживанию придает внешняя эмоциональная поддержка. Следовательно, человек, пребывая в мире прошлого и настоящего, ситуативно реагирует на любую эмоционально близкую ситуацию, выстраивая свое будущее здесь и сейчас. Для такого реагирования вполне достаточно любого общения, т. е. для идеального бытия выбор ближайшего будущего не зависит от типа общения – традиционного или нетрадиционного, так как по существу личность всегда живет в сконструированном пространстве своих идей. Построенное таким образом сознание устремлено к пониманию мира и постоянно направлено в перспективу. Именно это формирует способ общественных соединений и существующую духовную жизнь, которая «несёт в себе, благодаря любви к идеям, изготовлению идей, идеальному нормированию жизни, бесконечность в горизонте будущего...» [7, с. 105]. В условиях гиперактивности агрессивного миссионерства иммунную защиту от хаотического нормирования жизни могут дать только устойчивые социальные институты. Технологически обеспеченное и научно обоснованное оформление повседневных практик позволяет упорядочить параметры социализации, повысить роль общепринятых практик в сдерживании потока деструктивного влияния извне.

Современные институты религии, семьи, образования находятся в сложной непредсказуемой среде. В семье снижается роль авторитета старшего поколения, в учреждениях образования растёт давление со стороны сетевых сообществ, в религиозных общинах меняется характер личностного общения. И хотя традиционные институты перестраиваются в соответствии с духом времени, под влиянием информационно-коммуникативных технологий возникают противоречия, устранение которых возможно только на пути формирования нового типа рациональности, способной обеспечить совершенствование институциональной структуры.

Институциональная структура как комплекс институтов, отражающих набор разных видов взаимодействия человека с внешним миром, можно представить социальной матрицей. Матрица как система взаимообусловленных связей обладает потенциалом расширения адаптационных возможностей общества и его способности оптимально перестраиваться в быстро меняющемся мире. В основе потенциала лежит исторически устойчивое транслирование ценностей и норм коммуникации к давлению разнообразных эндогенных и экзогенных факторов. По существу социальный институт можно свести к естествен-

ному свойству человеческой активности, природной реакции на внешнюю среду. Институты могут сохранять устойчивость настолько долго, насколько устойчива сама среда обитания.

Институционализированные повседневные практики синтезируют память о прошлом и представления о настоящем. Порой этот синтез противоречив, прошлое и настоящее конфликтуют между собой, но в этом конфликте зарождается пространство новой социокультурной реальности. Социальный институт – это симбиоз социальных действий, предназначенный для разрешения социальных потребностей. Сущность социального института состоит в регулировании потребностей общества и дифференциации социальных активностей социума.

В контексте религиозности развитие институтов и в целом институциональной структуры отражает непрерывный процесс освоения алгоритмов религиозного поведения. Индивид в социальной группе, общине вынужден занимать определенные позиции, регулируя их и таким образом гармонизируя общественную жизнь. В условиях навязчивой глобализации общество через регулирование повседневных религиозных практик способно сохранить здоровую национальную идентичность и отстоять архетипические особенности национального государства. Для этого социальные практики должны поддерживать устойчивость развития общества, ориентируя его на значимые в культурном отношении образцы поведения.

Трансформация социальных институтов зависит от их гибкости. Такая гибкость достаточно проявляется или не проявляется в условиях транзита, отражая податливость социальной структуры. Прессинг на социальную структуру приводит к нелинейной динамике развития общества, при этом коэффициент устойчивости зависит от качества национального компонента. Национальный компонент способен не только сохранять статус-кво, но и увеличивать возможности сопротивляемости социокультурной среды. Вот почему социальная среда должна постоянно находиться в режиме мониторинга социальных практик.

Социальные практики, опирающиеся на национальный компонент, как правило, возвращаются к традиционным началам, и религиозность в современной России тому подтверждение. Наша цивилизационная матрица после десятилетий атеистического эксперимента возвращается к норме в соответствии с контурами современных преобразований и «паттернами социодинамических трансформаций, что позволяет подтвердить “эффект колеи”» [8, с. 41–43].

В прошлом формирование атеистических практик осуществлялось в условиях беспрецедентного давления на традиционную систему ценностей. Идеология превращалась в религию, а институт религии обозначался как ересь и предавался анафеме. Давление на цивилизационное своеобразие строилось профессионально с точки зрения гуманитарных наук, т. е. с учетом символического ряда нашей же религиозности. Этому, представляется, способствовал провинциализм значительных социальных групп отечественного культурного пространства.

Патриотизм как национальная черта стал использоваться как орудие политического противостояния, т. е. борьба прошлого и настоящего стала стигматизироваться в угоду ложной борьбе добра и зла. Политологический прием «свой – чужой» встраивался в соответствующую технологию и совершенствовался, а в дальнейшем стал инструментом виртуозного манипулирования. По тому же принципу деконструировались социальные институты семьи, образования, призванные по своей природе транслировать ценности национальной культуры.

Сегодня построение оптимальной модели религиозной социализации, ослабляющей риски деструктивного развития, снижение угрозы культурно-национальной идентичности, должно основываться на учете прошлого негативного опыта, т. е. принципах, предупреждающих цивилизационный сбой. В этой связи необходимо признать актуальным и принцип преемственности развития, разумное сочетание коллективного и индивидуального. Далее, на наш взгляд, очевиден принцип самобытности национальной культуры, в основе которого лежит гармонизация межконфессиональных отношений, требующая глубокой продуманности в организации нововведений. Оптимальная модель религиозной социализации должна предусматривать последовательное смягчение укоренившейся со времен атеизма практики любого волонтаризма в перестройке повседневной жизни. Учитывая значение модернизации образования как локомотива социального развития, необходимо признать принцип асинхронности в реформировании общества. Комплексность и согласованность шагов по минимизации рисков требуют активно привлекать науку для разработки новых стратегий регулирования межконфессиональных и этнорелигиозных отношений. Страна, переживая этап очередных преобразований, должна ориентироваться на национальные традиции как основу конструктивной религиозной социализации и строить социальную модель, гармонизированную с цивилизационными ценностями.

Список литературы

1. Орлов М. О., Соколова Д. М. Религиозная реальность : социально-философское измерение. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2013. 272 с.
2. Аникин Д. А. Динамика исторической памяти: между континуальностью и дискретностью // Историческая память в постнациональном мире : мифы ритуалы репрезентации : сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции / под ред. А. А. Линченко. Саратов : Издательский центр «Наука», 2017. С. 10–18.
3. Иванов Е. М. Квантовая философия : Издательские решения. [б. м.], 2020. 78 с.
4. Устьянцев В. Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 165–170. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-2-165-170>
5. Позднева С. П. Свобода бытия человека в русской религиозной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 31–35.
6. Зенкин С. Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
7. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101–116.
8. Данилов С. А. Россия как автаркия : риски и потенциал модернизации // Риски цивилизаций и культур в глобальном мире : сборник трудов Всероссийской научной конференции (Саратов, 12 мая 2014 г.) / под ред. В. Б. Устьянцева. Саратов : Издательский центр «Наука», 2014. С. 41–43.

References

1. Orlov M. O., Sokolova D. M. *Religioznaya real'nost': sotsial'no-filosofskoe izmerenie* [Religious Reality: Socio-Philosophical Dimension]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2013. 272 p. (in Russian).
2. Anikin D. A. Dynamics of historical memory: between continuity and discreteness. In: A. A. Linchenko, ed. *Istoricheskaya pamyat v postnatsionalnom mire: mify ritualy reprezentatsii* [Historical Memory in the Post-National World: Myths, Rituals of Representation]. Saratov, Izdatelskiy tsentr "Nauka", 2017, pp. 10–18 (in Russian).
3. Ivanov E. M. *Kvantovaya filosofiya. Izdatel'skie resheniya* [Quantum Philosophy. Publishing solutions]. [b. m.]. 2020. 78 p. (in Russian).
4. Ustyantsev V. B. The concept of risk in the problem field of social sciences. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 16, iss. 2, pp. 165–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-2-165-170>
5. Pozdneva S. P. Freedom of Human Being in Russian Religious Philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 4, pp. 31–35 (in Russian).
6. Zenkin S. N. Maurice Halbwax and modern humanities. In: *Sotsialnyye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Trans. with fr. and entry article S. N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatelstvo, 2007. 348 p. (in Russian).
7. Husserl E. The crisis of European humanity and philosophy. *Voprosy Filosofii*, 1986, no. 3, pp. 101–116 (in Russian).
8. Danilov S. A. Russia as an autarky: Risks and potential of modernization. In: V. B. Ust'iantsev, ed. *Riski tsivilizatsiy i kul'tur v global'nom mire* [Risks of Civilizations and Cultures in the Global World]. Saratov, Izdatelskiy tsentr "Nauka", 2014. pp. 41–43 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2021, после рецензирования 22.05.2021, принята к публикации 05.07.2021
Received 10.05.2021, revised 22.05.2021, accepted 05.07.2021